

ТВОРЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

ПЕСНЯ ОСТАЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

ПРОЗРАЧНАЯ, как горный родник, музыка Грига наполняет зал. Кажется, ощущаешь прохладные чистые струи. А навстречу тебе, как из сказки, идет юная Сольвейг. В ее голосе и перезвон льдинок, и утренняя свежесть, и трепетное ожидание любимого.

Сейчас Евгения Дубова — грогательная норвежская девушка Сольвейг, а через несколько минут станет страдающей, оскорбленной резностью Дездемоной. Она будет умолять Отелло отбросить прочь злые наветы.

Прочти в глазах моих

всю правду,

Не знаю я перед тобой вины...

А потом вдруг зашемит в сердце от несравненной «Аве Марии». И голос Дубовой точно вытянется в тонкую струнку, зазвенит на одной ноте. Если бы знали люди, сидящие в зале, сколько часов, недель, месяцев надо было работать, чтобы струнка эта, наконец, прозвучала...

Медленно, как догорающая свеча, тает голос и вот затихает совсем. Какое-то мгновение люди находятся в мире, созданном певицей. Но потом вспыхивают рукоплескания и звучат долго — горячие, искренние...

Где, когда протянула она руку песни, чтобы долгие годы, не разунаясь, идти с ней по жизни? Быть может, среди трав крымской степи, где так легко дышалась девочке?

И сейчас, как самую дорогую реликвию, хранит Евгения Дубова пожелтевший номер газеты «Крымский комсомолец» за 26 мая 1936 года. Среди других фотографий выпускников школы есть и ее портрет с подписью: «Женя Дубова пойдет по линии искусства...»

Но как мало одного только желания! Это поняла она с первых же уроков в Московской консерватории. Какого огромного, поистине титанического труда требует музыка. Мало иметь талант, голос. Нужно раскрыть внутренний смысл арий, песни, внести в нее частичку своего «я».

«Война. Стучат, стучат колеса по-

езда, до отказа наполненного эвакуированными, и в такт колесам стучит в висках: неужели навсегда — разлука с песней?

Да, в Чарджоу, куда эвакуировалась Женя, было, как ей казалось, не до песен. С путевкой обкома комсомола ездила по аулам, колхозам.

Вместо романсов и ариоз звучали со сцены слова агитатора и пропалан-

диста Евгении Дубовой. Она шла с комсомольцами телогрейки, вязала носки, рукавицы для солдат, выступала с лекциями.

Однажды добиралась она по пескам в отдаленное селение. Долгой, изнурительной была дорога. И вот показались первые глиняные домики. Вдруг Женя остановилась, вздрогнув. Чуткое ухо уловило знакомые щемящие звуки скрипки. Среди пустыни они казались чудом. Где-то за сотни километров рыдала скрипка Ойстраха, а здесь, в пустыне, плакала перед репродуктором девушка. Она поняла тогда, что не сможет не вернуться в консерваторию...

Старые, тронутые временем фото-

графии военных лет. Евгения Дубова поет с грузовика для солдат, вернувшихся с передовой... И снова учеба. В окне общежития фанера вместо стекла. Спали в валенках, чтобы не замерзнуть.

Однажды Евгению Дубову слушала Нежданова. Волнений было — не рассказать! Но они оказались напрасными. Антонина Васильевна сказала с нежностью в голосе:

— Никогда не думала, что в консерватории так могут петь Моцарта!

Красоту лирико-колоратурного сопрано Евгении Дубовой, ее музыкальность, артистизм и сценическое обаяние отмечали и в Пермской опере, на сцене которой пять лет пела Евгения Дубова.

Про актера говорят: человек с тысячей лиц. И пусть Дубова исполнила не тысячу, а всего лишь два десятка партий, каждая из них была ступенькой к мастерству, требовала отдачи всех духовных сил. Снегурочка из одноименной оперы Римского-Корсакова и героиня «Фауста» Маргарита, Софи из «Вертера» и Прилепа из «Пиковой дамы», Ксения из оперы «Борис Годунов», Марфа из «Царской невесты» — каждая оставила свой, неповторимый след в творческой биографии актрисы. Может быть, поэтому мы говорим о разносторонности таланта Дубовой, о ее удивительной способности перевоплощаться.

Так уж устроен человек. Он как альпинист: достигнув одной вершины, думает о другой, непокоренной. Хотелось и Евгении Абрамовне раздвинуть рамки творческого диапазона. Вот уже несколько лет ее нежный, серебристый голос звучит со сцены Кисловодской государственной филармонии. В репертуаре оперные арии уживаются с романсами, русскими и современными лирическими песнями, с произведениями композиторов многих стран мира.

Ей одинаково хорошо удается и так называемая отрешенная лирика, вроде романса Рахманинова «Здесь хорошо», и темпераментные кубин-

ские, и напевные русские песни, и сцены из таких сложных в вокальном отношении опер, как «Иоланта» Чайковского.

Исполнение Дубовой сердечно и увлеченно. Филигранно отточены детали, все под контролем взыскательного художественного вкуса. Песни Евгении Дубовой — скорее психологические миниатюры. Вот одна из любимых — «Финдлей» на стихи Роберта Бернса. Как хорошо передает певица характер взволнованной нежной девушки и грубоватого Финдлея. А детская песенка «36 и 5» композитора Андрея Петрова. Сколько в ней неподдельного лукавства и ребячей хитрости!

В творчестве Дубовой нет ничего, рассчитанного на внешний эффект. Она не стремится исполнять ультрапопулярные произведения, а старается раскрыть перед слушателями не изведенные еще страницы музыкальной культуры. Евгения Дубова исполняет мало известные финские, польские, венгерские, мексиканские, румынские песни, произведения американских композиторов, подчеркивая неразрывную связь их создателей с народным песенным творчеством.

Любимыми остаются для Евгении Дубовой поэтичные русские народные песни, их мир высоких чувств, страстей, мыслей.

Слушаешь их в исполнении Е. А. Дубовой и невольно вспоминаешь слова А. В. Луначарского о музыке: «Она необыкновенно благородна, необыкновенно глубока и все — скорбь и радость, мечту, порыв, волю — превращает в чистое золото необычайно напряженной и в то же время спокойной красоты».

Музыка, песня — не простое развлечение. Она пробуждает в человеке желание стать лучше, чище, совершеннее. Об этом высоком призывании своему ни на минуту не забывает Евгения Дубова.

Л. ПРОЗОРОВА.

На снимке: Е. А. Дубова.

Фото М. Тимофеева.